

ПОВЕСТЬ И. С. ШМЕЛЕВА «ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕСТОРАНА»: ГЕНЕЗИС ЗАМЫСЛА

Скоропадская А. А.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>

Аннотация. Статья посвящена исследованию становления замысла повести И. С. Шмелева «Человек из ресторана». Материалом для исследования послужили сохранившиеся черновые материалы к повести. Актуальность работы обусловлена необходимостью более глубокого изучения дореволюционного творчества писателя, так как именно в этот период закладываются основы его творческого метода, получившего определение «духовный реализм». Расшифрованы и проанализированы не публиковавшиеся редакции повести, что определяет новизну исследования. Проведено сопоставление всех имеющихся вариантов начала повести. Исползованные методы текстологического анализа позволяют реконструировать этапы формирования идейно-художественного замысла.

Повесть «Человек из ресторана» традиционно считалась образцом нового реализма, а ее герой – лакей в перворазрядном ресторане, – примером художественного осмысления темы «маленького человека». Проведенный сопоставительный анализ показал, что Шмелев методично подбирал сюжетные и образные детали, позволяющие максимально точно передать не только рабочие и семейные будни официанта, но и его внутренний мир. Повествовательная стратегия с самого начала ориентирована на сказовую форму. В ранних редакциях наиболее ярко выражен социальный аспект жизни героя. Автор сосредоточивается на сравнении лакея и «благородных» посетителей ресторана. Сравнение делает сам герой, наблюдая отражение себя и клиентов в зеркале. В ранней редакции именно зеркало становится для Скороходова поводом взглянуть на себя и свою жизнь со стороны. Но в процессе поиска причин, пробудивших самосознание героя, Шмелев останавливается на отношении его сына к отцовскому ремеслу: в поздней редакции обидная для Скороходова фраза, высказанная сыном о его профессии, становится импульсом к развитию действия повести. Таким образом, социальная проблематика приобретает духовно-психологическую направленность. Подбираемые варианты начала повести свидетельствуют о поисках автором психологически верного посыла, открывающего герою путь к духовному прозрению: в социальном и бытовом плане он терпит сокрушительные потери, зато обретает духовную мудрость и душевное умиротворение.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; повести; неореализм; духовный реализм; текстологический анализ; история текста.

THE NOVELLA OF I. S. SHMELEV "THE MAN FROM THE RESTAURANT": THE GENESIS OF THE INTENTION

Anna A. Skoropadskaya

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>

Abstract. The article is devoted to the study of the formation of the idea of the novella by I. Shmelev "The Man from the Restaurant". The material under study includes the surviving draft materials for the novella. The urgency of the work is due to the need for a deeper study of the pre-revolutionary creative activity of the writer, since it was during this period that the foundations of his creative method, the so-called "spiritual realism", were laid. The unpublished editions of the novella were deciphered and analyzed, which determines the novelty of the research. A comparison of all available options for the beginning of the story is carried out. The methods of textual analysis used make it possible to reconstruct the stages of the formation of ideological and artistic concepts.

The novella "The Man from the Restaurant" has traditionally been considered an example of new realism, and its main character – a waiter in a first-rate restaurant, – is an example of artistic comprehension of the "little

man” theme. The comparative analysis showed that Shmelev methodically selected plot and figurative details that allowed him to convey as accurately as possible not only the work and family life of the waiter, but also his inner world. The storytelling strategy is focused on the story form from the very beginning. In early editions, the social aspect of the protagonist’s life is most pronounced. The author focuses on comparing the waiter and the “noble” diners of the restaurant. The comparison is made by the main character himself, observing the reflection of himself and the clients in the mirror. In the early version, it is the mirror that becomes the reason for Skorokhodov to look at himself and his life from the outside. But in the process of searching for the reasons that awakened the protagonist’s self-consciousness, Shmelev dwells on his son’s attitude to his father’s craft: in the later edition, the phrase, said by his son about his profession is offensive to Skorokhodov and becomes an impetus for the development of the novella’s action. Thus, the social issues acquire a spiritual and psychological focus. The selected options for the beginning of the story testify to the author’s search for a psychologically correct message that opens the protagonist’s path to spiritual enlightenment: socially and in everyday life, he suffers crushing losses, but he gains spiritual wisdom and spiritual peace.

Key words: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; novels; neorealism; spiritual realism; textual analysis; history of the text.

Для цитирования: Скоропадская, А. А. Повесть И. С. Шмелева «Человек из ресторана»: генезис замысла / А. А. Скоропадская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 231–241. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-19.

For citation: Skoropadskaya, A. A. (2021). The Novella of I. S. Shmelev “The Man from the Restaurant”: the Genesis of the Intention. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 231–241. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-19.

Введение. «Человек из ресторана» – центральное произведение в дореволюционном творчестве И. С. Шмелева. Повесть принесла своему автору долгожданное признание читателей и критики¹, однако серьезных филологических исследований, обращенных к этому тексту, недостаточно. Этому есть несколько причин. Во-первых, Шмелев-эмигрант не был интересен советскому литературоведению. Если его вспоминали, то лишь в связи с ранними произведениями, трактуемыми как один из примеров развития литературного процесса начала XX в. Во-вторых, состоявшееся в конце 80-х гг. возвращение Шмелева к русскому читателю прошло под знаком пристального внимания к его произведениям, написанным в эмиграции, дореволюционное же творчество, не подвергавшееся идеологическим гонениям, особого интереса не вызывало. Между тем, глубокое исследование ранних произведений позволяет выявить этиологию писательского метода, определить истоки идейно-художественных установок автора.

Творческий метод писателя в ранний, дореволюционный период его творчества часто оценивался современными и советскими

исследователями как реалистический (см. об этом: [Абишева 2007; Спиридонова 2014: 3–13]). Такая оценка во многом обусловлена социальной проблематикой, заявляемой в повестях и рассказах 1900–1910-х гг. Однако в монографических исследованиях творчества Шмелева появились справедливые уточнения, указывающие на импрессионистические [Захарова 2015: 8] и неореалистические тенденции [Коршунова 2013: 117], непосредственно ведущие автора к духовному реализму.

Термин «духовный реализм» был введен в научный оборот А. П. Черниковым в связи с творчеством Шмелева [Черников 1995: 316]. Термин был активно воспринят М. М. Дунаевым и А. М. Любомудровым, центральным объектом исследования которых также стало шмелевское литературное наследие. Так, определяя метод Шмелева как духовный реализм, А. М. Любомудров поясняет: «он (Шмелев – А. С.) воссоздает духовную составляющую человеческой личности; отражает реальность присутствия Бога в мире, реальность Промысла, его спасительного действия в судьбах героев» [Любомудров 2003: 198]. Однако отметим, что и в этих концептуальных работах внимание авторов было обращено в боль-

¹Ср.: «Не знаю, какое Шмелеву предстоит будущее. Окрепнет ли его дарование, войдет ли он в настоящую литературу „первого сорта“. Но твердо знаю, что „Человек из ресторана“ – одна из лучших вещей последнего времени» (Философов Д. В. Человек из ресторана // Русское слово. 1911. 9 октября. № 232. С. 3).

шей мере к зрелым произведениям Шмелева, в которых его творческий метод воплотился наиболее ярко, открыто соотносясь с православной духовностью. «Духовный реализм предполагает православный тип мировосприятия художника и соответствующую систему ценностей. Что касается предмета изображения, то следует подчеркнуть, что круг тем не может быть ограничен: писатель может говорить как о духовной, так и о телесной, душевной жизни человека» [Редькин 2020: 74]. В связи с этим целесообразно определить истоки метода духовного реализма в произведении с ярко выраженной социально-бытовой проблематикой. Исследователи не единожды обращались с этих позиций к повести «Человек из ресторана»¹, но ими практически не затрагивался текстологический аспект, в то время как изучение процесса создания произведения позволяет определить становление его идейно-образной направленности, вскрыть интенции автора.

Рукописное наследие И. С. Шмелева достаточно широко представлено в РГАЛИ² и РГБ³. Сохранившиеся рабочие материалы повести позволяют реконструировать историю текста. Подобного рода реконструкцию в своих диссертационных работах частично использовали М. М. Дунаев [Дунаев 1978] и А. П. Черников [Черников 1974], но обилие хранящихся в архиве рабочих материалов дает богатую почву для более детального их изучения. Целью настоящей статьи является исследование становления замысла повести «Человек из ресторана» на материале хранящихся в архиве черновых редакций произведения. Ведущим методом исследования становится сравнительно-сопоставительный метод текстологического анализа.

Обсуждение. Зачастую, начиная работать над тем или иным произведением, Шмелев

не имел о нем целостного представления: «идея текста формировалась по мере работы над ним и осмысления художественного материала» [Соболев 2018: 142]. «Человек из ресторана» являет собой пример подобного писательского подхода.

Среди рабочих материалов к повести сохранилось несколько вариантов ее начала. Их объединяет явное стремление автора показать изнутри жизнь ресторанного служащего – «маленького человека», социального типа, появившегося в русской классической литературе в связи с возникновением реализма. Художественное осмысление этого типа породило целую галерею образов, среди которых официант выделяется наибольшей степенью бесправия: «удел официанта – <...> быть свидетелем несовершенства природы человеческой и невольным исповедником его души. Прислуживание имеет характерное свойство, как пыль в кожу, въедаться в характер, психологию и судьбу человека» [Матевосян 2015: 62].

Самый ранний по имеющейся датировке (27 августа 1910 г.) и по выявленным текстовым деталям⁴ черновой автограф⁵ имеет рабочее название «Записки рестор<анного> лакея». Повествование от первого лица – неременный атрибут жанра «Записок», при этом социальное положение повествователя определяет манеру его речи.

Шмелев начинает «Записки...» с характеристики героя, который сравнивает себя с важными посетителями ресторана. Создаваемый писателем характер отличается явной рациональностью: герой не просто проводит аналогию между собой и господами, которых он обслуживает, но и демонстрирует свои деловые качества в отношении, например, гостей, которые «забывают» деньги и не могут расплатиться: «*Но какъ же не дать иногда, когда*

¹ Ср., например: [Каскина 2003; Кияшко 2012; Култышева, Лысенко 2015].

² См. об этом [Герчикова, Хачатурян 2009].

³ Шмелев Иван Сергеевич: архивный фонд, 1885–2001. 290 ед. хр. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004745363>.

⁴ О том, что этот вариант – самый ранний из имеющихся, свидетельствуют явно переработанные или опущенные в последующих вариантах детали. Так, например, дочь героя, от лица которого идет повествование, носит имя Люба (Любка), а его товарищ-собеседник, парикмахер, «умнѣющий челоѡѡкъ на всей нашей улицѡѡ» (л. 2), – Алексей Трофимыч. Герой упоминает свою сестру, которая держит «портновское заведение» и которая содействовала переходу его сына в 7 класс реального училища.

⁵ ОР РГБ. Ф. 387 (Шмелев). Карт. 4. Ед. хр. 15. 75 л. Рукопись расшифрована в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 18-012-00381а. Далее ссылки на автограф приводятся в тексте статьи с указанием единицы хранения и листа в круглых скобках.

иной за пятерку красненькую отдаешь, если деньги у него съ ветру. И такихъ много¹. И почему не брать². Такъ можно нажить хорошее состояние» (ед. хр. 15, л. 1 об.). Прислуживая богатым господам, герой слышит их разговоры и знает, какими нечестными путями наживаются состояния. Считая это нормой, лакей планирует в будущем применить подобный опыт («Къ нимъ я обязательно обращусь за советомъ своевременно» (ед. хр. 15, л. 1 об.)), при этом полагая, что лично он вполне к этому способен («Уже я то никогда не попаду на удочку» (ед. хр. 15, л. 1 об.)).

В автографе видно стремление автора воссоздать атмосферу ресторана с изнанки ресторанной службы, в связи с чем повествование изобилует профессиональными подробностями. Скрупулезность этих подробностей является ключом к характеру героя, который профессиональным взглядом прислуживающего человека следит за происходящим в зале.

Для образной иллюстрации социального двоемирия Шмелев прибегает к мотиву зеркала: в зеркальных стенах ресторана лакей видит себя похожим на господ (форменная одежда по типу фрака, солидный внешний вид), но сами господа в нем не видят человека. По замечанию А. А. Степановой, идея зеркальности в повести модернистски трансформируется: с одной стороны, зеркало реалистически отражает подлинную сущность персонажей, а с другой – «актуализирует проблему подлинности и мнимости бытия» [Степанова 2019: 156]. Наблюдая за собой в зеркале, герой-нарратор пытается разграничить бытие подлинное и мнимое: «прямо нельзя подумать, что это самый настоящий я» (ед. хр. 15, л. 1 об.). Обнаруженный диссонанс подталкивает его к осмыслению собственной жизни, наполненной тяжелым трудом и унижениями. Свою социальную униженность герой объясняет издержками профессии, требующей без-

молвно переносить все капризы клиента: задеваемое человеческое достоинство, получаемые оскорбления – такова судьба официанта, «лакея человеческого».

В одном из вариантов начала повести, находящемся в этой же архивной папке, герой с гордостью рассуждает о значимости своей профессии: «И потому я вовсе не какой-нибудь халуй и хамъ, а изъ первокласснаго ресторана, гдѣ всегда только³ самая отборная и высшая⁴ публика. Къ намъ мелкоту какую-нибудь⁵, даже и не допускаютъ <...> При такомъ сортѣ гостей⁶ нужна очень искусственная служба, и нужно тоже знать⁷, какъ держать себя⁸ въ порядкѣ, чтобы не было какого⁹ неудовольствія. Къ намъ принимаютъ тоже не съ ветра, а все равно какъ сквозь огонь пропускаютъ. Экзамень, какъ все равно въ какой университетъ» (ед. хр. 15, л. 18).

Эти рассуждения свидетельствуют о поисках Шмелевым оптимального ракурса в освещении ресторанной жизни, которая является проекцией жизни всего общества. Одна из авторских записей, озаглавленная «Надо начинать повесть так», гласит: «И мнѣ кажется, что если поразсказ-ать» все, что видѣли на своемъ вѣку, то это очень поучительно и, конечно, объ этомъ мало кто знаетъ, а это весьма важно знать, чтобы понимать людей. Люди! Ихъ не узнаешь, когда они чистенькіе сидятъ въ автомобиляхъ и коляскахъ, одѣты въ хорош-ія» плаття и молчатъ... А вотъ, когда они въ ресторанѣ, да попригляд-ишься» къ нимъ, да послушаешь...» (ед. хр. 15, л. 16).

Обращает на себя внимание небольшой набросок, хранящийся в папке № 18. Текст наброска представляет собой письмо редактору, в котором некий Лука Игнатьевич Скороходов, служащий официантом в ресторане третьего разряда, просит ознакомиться с его собственным сочинением про свою жизнь, «потому что нужно, чтобы знали вѣсь суть жизни такой печальной и даже страшной» (ед. хр. 18, л. 1). К писательству Лука Игнатьевич об-

¹ И такихъ много. вписано.

² Вместо: И почему не брать – было: А почему и не взять.

³ Всегда только вписано.

⁴ Вместо: отборная и высшая – было: избранная и замѣчательная.

⁵ Вместо: Къ намъ мелкоту какую-нибудь, – было: а. У насъ мелкаго народу б. Къ намъ мелкіи народъ.

⁶ Вместо: гостей – было: націй.

⁷ Вместо: и нужно тоже знать – было: знаніе какъ сказать и какъ смотрѣть.

⁸ Вместо: держать себя – было: себя держать.

⁹ какого вписано.

ратился по совету своего знакомого, Василия Васильевича, который, проникнувшись судьбой старого официанта, как-то сказал: «Вот что Лукавый! В твоей жизни много матерьялу¹, ты такь это не оставляй на произволь судьбы². Всю свою жизнь опиши и я тебь помогу!» (ед. хр. 18, л. 1).

Кардинальное отличие наброска от всех остальных вариантов повести позволило М. Дунаеву утверждать, что он относится к самой ранней стадии работы над произведением [Дунаев 1978: 61]. Для подобного утверждения есть определенные основания: герой, от лица которого написано письмо, находится на самом дне социальной жизни, страдает алкоголизмом. Постоянно упоминая о несчастьях и мытарствах, выпавших на его долю, автор письма их не конкретизирует. Но очевидно, что одно из несчастий связано с его дочерью: «И дочь моя училась вь гимназиі. Но какь вы можеть слышали про Наталью Скороходову, про ея дѣло... Это вѣдь она и есть... Значить вы все знаете...» (ед. хр. 18, л. 2). В наброске нет никаких упоминаний о сыне, образ которого получил глубокое идейное наполнение во всех других редакциях. Зато герой говорит о своем разорении («Весь вѣтъкь вь трудѣ былъ... думалъ до напоследокъ какь-нибудь отдохнуть... И мои деньги погибли, и нѣтъ у меня никого...») (ед. хр. 18, л. 1. об.), и этот биографический эпизод сохранится, как весомый факт «социального зла на жизненном пути героя» [Полонский 2007: 53]. Бедность и социальная безысходность подталкивают Скороходова к горестному выводу: «Теперь я даже и не человекъ...» (ед. хр. 18, л. 1. об.).

В наброске прослеживается влияние творчества М. Горького, по напутствию которого³ Шмелев начал работу над повестью и под протекцией которого повесть была опубликована в издательстве «Знание». Так, маргинальный образ жизни героя, каламбурное обыгрывание его имени (Лука-Лукавый) явно

перекликаются с пьесой «На дне». Заостренная социальная проблематика, внимание к вызреванию Человека в человеке [Богданова 2018: 304], запечатленное в раннем горьковском творчестве⁴, были близки вступившему на писательское поприще Шмелеву. Вполне возможно, что революционная тематика «Человека из ресторана» стала своеобразным откликом на опубликованную четырьмя годами ранее повесть Горького «Мать» (см.: [Дзыга 2013: 289–298]).

Объединяет ранние варианты повести то, что герой прямо указывает на свое непосредственное участие в создании текста, находящегося перед читателем. Набросок из папки № 18, как уже упоминалось выше, является письмом редактору, сопровождающим присланную для ознакомления рукопись. «Записки ресторанный лакея» уже своим названием определяют автобиографический характер текста. В обоих случаях герои описывают свою жизнь по совету авторитетного для них человека: для Луки Скороходова – это Василь Васильич Комаров, видимо, бывший журналист («писалъ вь газетахъ про все»); автора «Записок...» подтолкнул к писательству парикмахер Алексей Трофимович: «Очень начитанный человекъ, пишетъ даже о жизни вь толстую тетрадь и когда читать, такь все у него складно и вѣрно, что прямо всть проникаютъ⁵. Если бы могли прочитать которые законы даютъ, такь многое бы лучше было на всей земль. Съ него и я, – и это я долженъ объяснить⁶ по души, примѣръ взялъ и сталъ все описывать» (ед. хр. 15, л. 2). Письменный рассказ о своей жизни трактуется как назидание, «что не такь надо жить, не такь» (ед. хр. 18, л. 2) и как «собственное проникновение» – «страдаешь и познаешь себя» (ед. хр. 15, л. 2 об.). Но в последующих редакциях Шмелев устраняет любые упоминания о причастности героя к созданию текста: сосредоточиваясь на сказовой манере, он будто воспроизводит устный монолог, делая из читателя слушателя, таким образом сокращая условную

¹ Далее было: нужного.

² Далее было: Ты пострадалъ, заставь пострадать и другихъ и тогда легче будетъ.

³ Из письма М. Горького Шмелеву «Желаю Вам написать летом простую, бодрую, задушевную повесть» (Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. 8. С. 83).

⁴ Ср., например, пассаж из поэмы «Человек»: «Бессмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно, весь уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом и дарами духа!» (Горький М. Человек // Полное собрание сочинений. Художественные произведения. М.: Наука, 1970. С. 41).

⁵ Далее было начато: и по.

⁶ Далее было начато: во.

дистанцию между ним и героем-рассказчиком. Сошлемся на Л. Спиридонову, именно в «Человеке из ресторана» усматривающую психологически насыщенный сказ: «Вживание и даже „вчувствование“ во внутренний мир героя позволяет ему (Шмелеву – А. С.) создать его правдивый образ с помощью монолога. Он использует сказ как основную форму раскрытия мыслей и чувств героя, индивидуальных особенностей личности» [Спиридонова 2014: 28].

Многочисленные авторские правки и проработка одних и тех же сцен помогают определить, как создавался речевой портрет героя. Показательно, например, сравнение рассуждений героя о своей внешности, имеющееся во всех ранних редакциях и вошедшее в окончательный вариант повести¹ (см. таблицу).

Сопоставление отрывков позволяет восстановить процесс поиска Шмелевым инструментов создания образа героя, от лица которого ведется повествование. Самый ранний из сопоставляемых отрывков показывает, что идея сравнения героя-лакея и его знатного клиента была у писателя изначально: именно с этого сравнения он начинает повесть, подыскивая опорные точки в сравнении (фрак, фигура, цепь, бумажник); при этом рассуждения героя стилистически маркированы слабо и более соответствуют книжной речи (полные предложения, развернутые сложносочиненные конструкции, деепричастные обороты). На следующем этапе работы Шмелев переносит сравнение официанта и адвоката чуть дальше по тексту, введя в начало рассуждения героя о специфике его профессии («Ну лакей, върно... Чтожь изъ того, что по предназначению² судьбы я лакей!»); сравнение же обрастает новыми деталями (лоб, нос, прическа, ба-

кенбарды, номер). При этом речь героя уже лишена налета книжности: появляются слова субъективной модальности (*толщенная, лысинка*), просторечия (*заместо*), стяженное отчество (*Сергеич*), эллиптические конструкции. В позднем варианте Шмелев сокращает количество деталей, сохраняет стилистическую стратегию с установкой на разговорный стиль, добавляя к уже имеющимся разговорным конструкциям местоименную транспозицию (*них/их* вместо *него/его*), которая, с одной стороны, подчеркивает ту уважительность, с которой герой говорит о Глотанове, а с другой – свидетельствует о социальном статусе Скороходова³.

Вырабатывая стратегию характерного, социального сказа⁴, Шмелев стремится создать речевой портрет массового человека со свойственной сказовому повествованию ориентацией на устность, спонтанность и малограмотность нарратора, обусловленную его социальным статусом.

Тема образования, науки получает в повести разноаспектное освещение. С одной стороны, признавая свою необразованность и малограмотность, главный герой ищет объяснения несправедливости жизни у авторитетных для него людей, авторитет которых основывается на их образованности / учености. С другой стороны, уже в ранних вариантах присутствует мотив недоверия к книге. Недоверие это связано с оторванностью ученых от действительной жизни. В наброске из папки № 18 этот мотив недоверия только намечается: «Пишуть разныя книги про пріятное и про любовь⁵ чего и на землю нтъ⁶, а не пишуть про жизнь и про страданія на землю⁷,⁸ которыя испытываютъ такіе какъ ты и я⁹, и другіе люди, пребывающіе въ¹⁰ китъни¹¹» (ед. хр. 18, л. 1-л. 1. об.).

¹ В рабочих материалах к повести сохранилось 4 варианта анализируемого автографа.

² *Вместо: предназначению – было: назначению.*

³ Сошлемся на В. В. Виноградова: «В разговорной речи обстановка и синтаксико-фразеологические связи, в книжной речи контекст определяют смысл местоименных слов, их отношение к конкретным предметам и явлениям. В употреблении их наиболее ярко проявляется основная сущность языка – его социальная обусловленность» [Виноградов 2001: 269].

⁴ О типах сказа, развивающихся в литературе 1910–1920 гг. и теоретически осмысливаемых в науке, см.: [Хатямова 2017: 84–85].

⁵ *Далее было: а. и про то, какъ лю б. <на л. 1 об.> то, какъ влюбляются или про то, какъ в. . <на л. 1 об.> Про люб.*

⁶ *Далее было: и не бываетъ.*

⁷ *Далее было вписано: и про подлещовъ. Жиз.*

⁸ *Между строк вписан вариант: Хорошо, кто обезпеченъ в жизни и ему /еще/ мало про любовь читать.*

⁹ *и я, вписано.*

¹⁰ *Вместо: въ – было: во. Далее было: тьмѣ и вх услугахъ и въ.*

¹¹ *Далее было: И пишуть даже то, чего сами и не знаютъ, не прошли на собственной шкурѣ.*

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ 1910 авг. 27	МАШИНОПИСЬ С АВТОРСКОЙ ПРАВКОЙ ЧЕРНИЛАМИ И КАРАНДАШОМ, 1910	МАШИНОПИСЬ С АВТОРСКОЙ ПРАВКОЙ, 1910
<p>Чтѣмъ же я по виду¹ хуже дру- гихъ, хотя бы напримѣръ, того же² адвоката Глотанова <...> Дѣйствительно, сход- ство есть, да пожалуй и не ма- ленькое. Оба мы во фракахъ, только у Андрей Сергѣевича фракъ нѣсколько подлиннѣй и шитье поровнѣй и матеріа- лецъ получше, но широкая грудь также выдѣляется изъ- за бортовъ и пожалуй живость у него выдается нѣсколько больше, показывая массивную цѣпь, которой у меня пока³ нѣтъ. Какъ и у меня, у Ан- дрея Серг. имѣется во фракѣ⁴ бумажникъ<, > но разница не внѣшняя, а скорѣй⁵ внутрен- няя (ед. хр. 15, л. 1)</p>	<p>И обличіемъ своимъ я не хуже другихъ. Хотѣ бы взять самого⁶ присяжнаго повѣреннаго и адвоката Андр<ея> Серг<гевича> Глот<ано- ва>⁷, съ которымъ у меня даже⁸ сходство <...> Оба мы во фракахъ, только у Андрей Сергѣви- ча фракъ, конечно⁹, нѣсколько подлиннѣй и шитье, конечно¹⁰, поровнѣй, и матерьялецъ лучше, и грудь такая же¹¹ крахмальная и так- же¹² выставл<ается>¹³ изъ-за бортовъ. Пожа- луй, только живость у него¹⁴ значительнѣе, и пущена¹⁵ толщенная¹⁶ золотая цѣпь, кото- рой¹⁷ у меня нѣтъ. И лобъ даже¹⁸ у меня та- кой же округлый¹⁹,²⁰ и чуть лысинка²¹, и даже по самому ему²² въ масть²³. Только вотъ²⁴ ба- кенбарды у меня, а у него²⁵ безъ пробритія²⁶. А если и²⁷ его пробрить да нацѣпить № 87 на бортикъ²⁸, очень бы прекрасно²⁹ сошли замѣ- сто меня³⁰. И у³¹ меня³² за правымъ бортомъ бумажникъ³³, да только³⁴ разница больше внутренняя (ед. хр. 15, л. 18 об.)</p>	<p>И обличіемъ³⁵ я не хуже другихъ. Даже у меня прямо³⁶ сходство съ адвокатомъ Глотановымъ, Ан- тонъ Степаньичемъ, – наши все смѣялись³⁷. Оба мы во фракахъ. только, конечно, у нихъ фракъ шитье поровнѣй и матерьялецъ получше. Ну, живость у нихъ, прав- да, значительнѣй, и пущена тол- щенная золотая цѣпь, которой у меня нѣтъ³⁸. И лысинка и, вообще, въ масть. Только вотъ бакенбарды у меня, а у нихъ безъ пробритія. А если ихъ пробрить да нацѣпить на бортикъ номеръ, очень бы хоро- шо сошли бы замѣсто меня. И у меня за лѣвымъ бортомъ бу- мажникъ, но только разница боль- ше внутренняя (ед. хр. 17, л. 3)</p>

¹ по виду вписано.

² того же вписано.

³ пока вписано.

⁴ во фракѣ вписано.

⁵ скорѣй вписано.

⁶ Вместо: взять самого – было: напримѣръ того самого.

⁷ Вместо: Андр. Серг. Глот. – было: Глотанова.

⁸ Далее было: есть.

⁹ , конечно, вписано.

¹⁰ , конечно, вписано.

¹¹ Вместо: и грудь такая же – было: но широкая

¹² Вместо: и также – было: грудь также.

¹³ Вместо: выставл. – было: выступает.

¹⁴ Далее было: выдается.

¹⁵ Вместо: пущена – было: на немъ. Далее вписан вариант: виснеть.

¹⁶ Вместо: толщенная – было: тяжелая.

¹⁷ Вместо: которой – было: чего.

¹⁸ даже вписано.

¹⁹ Вместо: округлый – было: выпуклый.

²⁰ Далее было: и носъ.

²¹ Далее было: проступаетъ.

²² Вместо: и даже по самому ему – было: и носъ чуть приплюснуть на кончикѣ.

²³ Вместо: въ масть – было: а. и цвѣтъ волоса похожъ б. даже <нрзб.>

²⁴ Вместо: Только вотъ – было: Вотъ только.

²⁵ Далее было: борода.

²⁶ Далее было: по середкѣ.

²⁷ и вписано.

²⁸ Вместо: № 87 на бортикъ – было: на бортикъ № 87.

²⁹ Вместо: бы прекрасно – было: хорошо бы.

³⁰ Далее было: А все почему?.. Капиталы!

³¹ Далее было вписано: И.

³² Далее было: какъ и у Андрей Сергѣича въ правомъ.

³³ Вместо: бумажникъ – было: бумажники.

³⁴ Вместо: да только – было: но.

³⁵ Далее было: своимъ.

³⁶ прямо вписано.

³⁷ Далее было: а. И это вѣрно. б. И.

³⁸ Далее было: И лобъ такой же округлый.

В «Записках лакея» скепсис героя-нарратора конкретизируется: «Объщала даже принести книги гдѣ одинъ учоный говоритъ, что всякій трудъ благороденъ и даже нашъ трудъ служащаго, только² что то такое надо сдѣлать. Но я такъ думаю, что если бы этотъ учоный побывъ въ нашей шкурѣ, когда³ всякій за свой, а то и чужой цѣлковый, барина надъ тобой корчитъ, такъ иное бы заговорилъ. Знаю я этихъ учоныхъ! По книгамъ то у нихъ все гладко» (ед. хр. 15, л. 2 об.). Теоретические размышления ученого, изложенные в книге, Скороходов противопоставляет собственному жизненному опыту, приобретенному за почти три десятка лет служения в ресторане. Этот опыт «служащего труда» насыщен унижениями и оскорблениями со стороны посетителей ресторана. Шмелев подбирает емкие формулировки, чтобы продемонстрировать осознание героем своего униженного положения: «...всякій трудъ благороденъ⁴ <,> и словами унизить чело⁵в. нельзя...⁶ Все это такъ⁷, но не испытано на соб.⁸ персонѣ...⁹ А учоный можетъ все писать въ своей книгѣ, ему это вполне возможно¹⁰, потому что¹¹ его никто болваномъ не обзоветъ. Я такъ думаю, что если бы этотъ учоный побывалъ въ нашей шкурѣ, когда всякій за свой, а то и за чужой цѣлковый барина надъ тобой корчитъ, такъ другое¹² бы сказалъ¹³! По книгамъ-то все гладко¹⁴» (ед. хр. 15, л. 20 об.); «...всякій трудъ честенъ и¹⁵ благороденъ, и словами чело¹⁶вѣка зама¹⁷рять нельзя, но я-то это и безъ книги понимаю, и¹⁸ все-таки это нехорошо¹⁹. Хорошо говоритъ, какъ¹⁹ не испытано на собственной

персонѣ... А учоный можетъ все писать въ своей книгѣ, потому его никто болваномъ не обзоветъ. Побывалъ бы этотъ учоный въ нашей шкурѣ, когда всякій за свой, а то и за чужой цѣлковый барина надъ тобой корчитъ, такъ другое бы сказалъ. По книгамъ-то все гладко» (ед. хр. 17, л. 5–6).

Вставляя в рассуждения героя утвердительные конструкции (все это так, понимаю, знаю) автор не просто акцентирует саморефлексию героя, но и закладывает основы сюжетно-образного противопоставления «высокой и тонкой» публики, знающей из книг о «благородстве» труда, и обслуживающего эту публику малообразованного лакея, служащий труд которого абсолютно этой публикой не ценится. Для усиления контраста Шмелев дополняет рассуждения героя примерами из его ресторанной жизни: «Ужинали у насъ недавно учоные-то эти. Одного лысенъкаго поздравляли за книгу, а посуды наколотили на десять цѣлковыхъ. А не понимаютъ того, съ кого за стекло вычитаетъ метрдотель по распоряженію администраціи <...> Это ни²⁰ подъ какую науку не²¹ подведешь²²» (ед. хр. 17, л. 6). Среди рабочих материалов повести сохранился черновой набросок письма Горькому, в котором Шмелев так охарактеризовал Скороходова: «не слова нужны этому практику, а дела» (ед. хр. 16, л. 28 об.). «Учоные», образованные посетители ресторана, красиво рассуждая о справедливости и равенстве, на деле не воспринимают прислуживающего им официанта как человека. Или вовсе его не замечают.

¹ всякій вписано.

² Далее было: надо.

³ Далее было начато: съ перво.

⁴ Над строкой вписан вариант: – хорошее дѣло.

⁵ чело<вѣка>.

⁶ Вместо: и словами унизить чело⁵в. нельзя... – было: и если тебя ударить копытомъ неразумная лошадь, нельзя имѣть обиду.

⁷ Далее: Такъ-то такъ.

⁸ соб<ственной>.

⁹ Все это такъ, но не испытано на соб. персонѣ... вписано.

¹⁰ Вместо: возможно – было: можно.

¹¹ Вместо: потому что – было: ибо.

¹² Вместо: другое – было: иное.

¹³ Вместо: сказалъ – было: заговорилъ.

¹⁴ Далее было: у нихъ.

¹⁵ честенъ и вписано.

¹⁶ Вместо: зама¹⁷рять – было: унизить.

¹⁷ Вместо: понимаю, и – было: знаю, но.

¹⁸ Далее было: И.

¹⁹ Вместо: какъ – было: когда.

²⁰ ни вписано.

²¹ не вписано.

²² Вместо: подведешь – было: подвести.

Между тем, Скороходов видит в науке возможность повышения социального статуса. Именно поэтому для него важно, чтобы его дети получили образование. В «Записках...» Скороходов, обращаясь к сыну, говорит: *«Я науку конечно не проникь, но я вас на ноги поставлю и хочу участь вамь предоставить не свою, лакейскую и халуцкую – такь его и передернуло, – а благородную»* (ед. хр. 15, л. 3). Но в следующей редакции, озаглавленной «Под музыку», Шмелев смещает акценты: *«Я, конечно, твоихъ наукъ не проникъ и географіи тамъ не учился, но я тебя на ноги ставлю и хочу тебѣ участь предоставить благородныхъ людей, чтобы ты былъ не хуже другихъ, а не въ халуц тебѣ, какъ ты про меня выражаешь... – Такъ его и передернуло!»* (ед. хр. 17, л. 7). Здесь, за счет местоимения *твоих* обозначается наметившийся разрыв между отцом и сыном, преодоление которого станет внутренним сюжетом повести (разрыв между отцом и детьми на протяжении всего повествования будет обозначаться различными деталями, вошедшими в окончательную редакцию: например, дочь Наташа явно стыдится своих родителей, скрывая их социальное положение от ухаживающего за ней офицера). Кроме того, грубое определение профессии *халуц* Скороходов вкладывает в уста сына, через эту уничижительную оценку показывая его отношение к отцовскому ремеслу. Именно это отношение Шмелев выносит в начало окончательной редакции, делая его импульсом к разрыву действия повести:

«– Видите, папаша... Всякій негодяй можетъ ткнуть пальцемъ!..»

<...> обидно было отъ родного сына подобное слушать, очень обидно! Ну лакей, официантъ... Что жъ изъ того, что по назначенію судьбы я лакей!» (ед. хр. 17, л. 1–1 об.).

Мнение сына становится для Скороходова толчком, пробудившим его самосознание, побудившим взглянуть на себя со стороны. Именно поэтому меняется жанровая и идейная концепция произведения: записки ресторанный лакея превращаются в исповедь Человека, Человека из ресторана. Социальная проблематика приобретает духовно-психологический окрас.

Выводы. Анализ вариантов начала повести «Человек из ресторана» позволяет реконструировать становление авторского замысла. Отталкиваясь от намерения создать портрет современного ему «маленького человека», Шмелев изначально выбирает фигуру лакея / официанта, человека «услуживающего» труда. В поисках наилучшего ракурса писатель экспериментирует с биографическими, психологическими, речевыми деталями. Восстанавливаемая хронология черновых вариантов показывает, как остросоциальный характер произведения приобретает духовно-психологическую направленность.

Идейно-художественное новаторство Шмелева в создании образа «маленького человека» органично вырастает из традиций русской словесности, раскрывшей не только социальную, но и психологическую сущность этого литературного типа. Автор сосредотачивается на обнаружении героем способности к самоанализу и духовному прозрению. Образ Скороходова «развивается на протяжении повествования от обывательской узости, мелочности, духовной „зашоренности“ к внутренней широте и мудрости» [Примочкина 2015: 56]. Варианты начала произведения – своего рода поиск стартовой площадки, с которой герой пустится по пути духовного прозрения, в конце которого обретает духовную мудрость и душевное умиротворение.

Литература

Абишева, У. К. «Бытие сквозь быт»: (к проблеме эволюции творчества И. С. Шмелева 1900–1910-х гг.) / У. К. Абишева // Наследие И. С. Шмелева: Проблемы изучения и издания : сборник материалов международных научных конференций. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 74–85.

Богданова, О. В. Мистико-гностическая система мира М. Горького и А. Блока / О. В. Богданова // Вестник РХГА. – 2018. – № 3. – С. 300–314.

Виноградов, В. В. Грамматические пережитки местоимений как особой части речи в современном русском языке / В. В. Виноградов // Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 2001. – С. 264–282.

Герчикова, Н. А. Личный фонд И. С. Шмелева в РГАЛИ. Неизвестная редакция романа И. С. Шмелева «Пути небесные» / Н. А. Герчикова, Л. В. Хачатурян. – Текст : электронный // Вестник архивиста. – 2009. – URL: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/896----a---lr.html> (дата обращения: 05.12.2020).

- Дзыга, Я. О. Творчество И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы : дис. ... д-ра филол. наук / Дзыга Я. О. – М. : [б. и.], 2013. – 445 с.
- Дунаев, М. М. Своеобразие реализма И. С. Шмелева (творчество 1894-1918 годов) : дис. ... канд. филол. наук / Дунаев М. М. – Ленинград : [б. и.], 1978. – 228 с.
- Захарова, В. Т. Поэтика прозы И.С. Шмелева : монография / В. Т. Захарова. – Нижний Новгород : Мининский университет, 2015. – 106 с.
- Каскина, Ю. Яков и Иов: образ страдающего праведника в повести И. С. Шмелева «Человек из ресторана» / Ю. Каскина // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 3. – С. 84–88.
- Кияшко, Л. Н. О некоторых аспектах поэтики повести И. С. Шмелева «Человек из ресторана» / Л. Н. Кияшко // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 1 (21). – С. 168–171.
- Култышева, О. М. Отражение духовных исканий в произведениях И. С. Шмелева «Человек из ресторана» и «Солнце мертвых» / О. М. Култышева, Л. А. Лысенко // Актуальные проблемы фундаментальных и прикладных дисциплин и методов их преподавания : материалы очно-заочного семинара / Министерство образования и науки Российской Федерации ; Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры ; Нижневартковский государственный университет. – 2015. – С. 159–166.
- Коршунова, Е. А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева : монография / Е. А. Коршунова. – Харьков : ФОРМ Бровин А.В., 2013. – 216 с.
- Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе Русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев / А. М. Любомудров. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.
- Матевосян, Е. Р. Тема «бесправного официанта» в творчестве Шмелева, Чехова и Горького / Е. Р. Матевосян // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – С. 58–67.
- Полонский, В. В. О символическом подходе к изображению «маленького человека» в дореволюционном творчестве И. С. Шмелева / В. В. Полонский // Наследие И. С. Шмелева: Проблемы изучения и издания : сборник материалов международных научных конференций. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 51–57.
- Примочкина, Н. Н. «Человек из ресторана»: дыхание истории и современный контекст / Н. Н. Примочкина // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – С. 52–57.
- Редькин, В. А. Духовный реализм как литературоведческая категория / В. А. Редькин // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2020. – Т. 8, № 2 (16). – С. 69–86. – DOI: 10.29252/iarll.16.73.
- Соболев, Н. И. Динамическая поэтика рассказа И. С. Шмелева «Полочка» (от рукописи к печатному тексту) / Н. И. Соболев // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – № 4. – С. 140–156. – DOI: 10.15393/j9.art.2018.5581.
- Спиридонова, Л. Художественный мир И. С. Шмелева : монография / Л. Спиридонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2014. – 240 с.
- Степанова, А. А. Повесть И.С. Шмелева «Человек из ресторана» и одноименный фильм Я.А. Протазанова: поэтика визуальности и проблемы экранизации / А. А. Степанова // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 153–162. – DOI: 10.26170/FK19-04-20.
- Хатямова, М. А сказовое слово как способ игрового выражения авторской позиции в русской прозе метрополии и диаспоры 1920-х годов / М. А. Хатямова // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 84–99. – DOI: 10.17223/18137083/61/8.
- Черников, А. П. Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга : Изд-во «Калуж. обл. ин-т усовершенствования учителей», 1995. – 341 с.
- Черников, А. П. Творчество И. С. Шмелева (1895–1917) : дис. ... канд. филол. наук / Черников А. П. – М. : [б. и.], 1974. – 210 с.

References

- Abisheva, U. K. (2007). «Bytie skvoz'byt»: (k probleme evolyutsii tvorchestva I. S. Shmeleva 1900–1910kh gg.) [“Being Through Everyday Life”: (to the Problem of the Evolution of Creative Activity I. S. Shmelev 1900–1910s)]. In *Nasledie I. S. Shmeleva: Problemy izucheniya i izdaniya: sbornik materialov mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii*. Moscow, IMLI RAN, pp. 74–85.
- Bogdanova, O. V. (2018). Mistiko-gnosticheskaya sistema mira M. Gor'kogo i A. Bloka [The Mystical-Gnostic System of the Worlds by M. Gorky and A. Blok]. In *Vestnik RKhGA*. No. 3, pp. 300–314.
- Chernikov, A. P. (1974). *Tvorchestvo I. S. Shmeleva (1895-1917)* [Creative Activity by I. S. Shmelev (1895–1917)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 210 p.
- Chernikov, A. P. (1995). *Proza I. S. Shmeleva. Kontseptsiya mira i cheloveka* [The Prose by I. S. Shmelev. The Concept of World and Man]. Kaluga, Izdatel'stvo «Kaluzhskii oblastnoi institut usovershenstvovaniya uchitelei». 341 p.
- Dunaev, M. M. (1978). *Svoeobrazie realizma I. S. Shmeleva (tvorchestvo 1894–1918 godov)* [The Originality of the Realism of I. S. Shmelev (Works of 1894–1918)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad. 228 p.
- Dzyga, Ya. O. (2013). *Tvorchestvo I. S. Shmeleva v kontekste traditsii russkoi literatury* [I. S. Shmelev's Creative Activity in the Context of the Traditions of Russian Literature]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 445 p.
- Gerchikova, N. A., Khachatryan, L. V. (2009). Lichnyi fond I. S. Shmeleva v RGALI. Neizvestnaya redaktsiya romana I. S. Shmeleva «Puti nebesnye» [I. S. Shmelev's Personal Fund in the Russian State Archive of Liter-

ature and Arts. Unknown Edition of the Novel by I. S. Shmelev "Heavenly Ways"]. In *Vestnik arkhivista*. URL: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/896---a---lr.html> (mode of access: 05.12.2020).

Kaskina, Yu. (2003). Yakov i Iov: obraz stradayushchego pravednika v povesti I. S. Shmeleva «Chelovek iz restorana» [Jacob and Job: the Image of the Suffering Righteous Man in the Novel by I. S. Shmelev "The Man from the Restaurant"]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhdul'turnaya kommunikatsiya*. No. 3, pp. 84–88.

Khatyamova, M. A. (2017). Skazovoe slovo kak sposob igrovogo vyrazheniya avtorskoi pozitsii v russkoi proze metropolii i diaspory 1920-kh godov [Fairy Tale Word as a Way to Playfully Express the Author's Position in Russian Prose of the Metropolis and Diaspora of the 1920s]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 4, pp. 84–99. DOI: 10.17223/18137083/61/8.

Kiyashko, L. N. (2012). O nekotorykh aspektakh poetiki povesti I. S. Shmeleva «Chelovek iz restorana» [On Some Aspects of the Poetics of the Story "The Man from the Restaurant" by I. S. Shmelev]. In *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*. No 1 (21), pp. 168–171.

Korshunova, E. A. (2013). *Mezhdul klassikoi i modernom: traditsiya i intertekstual'nost' v poetike prozy Ivana Shmeleva* [Between Classics and Modernity: Tradition and Intertextuality in the Poetics of Ivan Shmelev's Prose]. Khar'kov. 216 p.

Kultyshcheva, O. M., Lysenko, L. A. (2015). Otrazhenie dukhovnykh iskanii v proizvedeniyakh I. S. Shmeleva «Chelovek iz restorana» i «Solntse mertvykh» [Reflection of Spiritual Quests in the Works of I. Shmelev "The Man from the Restaurant" and "The Sun of the Dead"]. In *Aktual'nye problemy fundamental'nykh i prikladnykh distsiplin i metodik ikh prepodavaniya: materialy ochno-zaochnogo seminara*. Yugry, Nizhneartovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 159–166.

Lyubomudrov, A. M. (2003). *Dukhovnyi realizm v literature Russkogo zarubezh'ya: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev* [Spiritual Realism in the Literature of the Russian Diaspora: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. Saint Petersburg. 272 p.

Matevosyan, E. R. (2015). Tema «bespravnogo ofitsianta» v tvorchestve Shmeleva, Chekhova i Gor'kogo [The Theme of the "Rightless Waiter" in the Works of Shmelev, Chekhov and Gorky]. In *I. S. Shmelev i problemy natsional'nogo samosoznaniya (traditsii i novatorstvo)*. Moscow, IMLI RAN, pp. 58–67.

Polonsky, V. V. (2007). O simvolicheskom podkhode k izobrazheniyu «malen'kogo cheloveka» v dorevolyutsionnom tvorchestve I. S. Shmeleva [On the Symbolic Approach to the Depiction of the "Little Man" in the Pre-revolutionary Work of I. S. Shmelev]. In *Nasledie I. S. Shmeleva: Problemy izucheniya i izdaniya: sbornik materialov mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii*. Moscow, IMLI RAN, pp. 51–57.

Primochkina, N. N. (2015). «Chelovek iz restorana»: dykhanie istorii i sovremennyy kontekst ["The Man from the Restaurant": Breath of History and Modern Context]. In *I. S. Shmelev i problemy natsional'nogo samosoznaniya (traditsii i novatorstvo)*. Moscow, IMLI RAN, pp. 52–57.

Red'kin, V. A. (2020). Dukhovnyi realizm kak literaturovedcheskaya kategoriya [Spiritual Realism as a Literary Category]. In *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury*. Vol. 8. No. 2 (16), pp. 69–86. DOI: 10.29252/iarll.16.73.

Sobolev, N. I. (2018). Dinamicheskaya poetika rasskaza I. S. Shmeleva «Polochka» (ot rukopisi k pechatnomu tekstu) [Dynamic Poetics of I. S. Shmelev's Short Story "The Little Shelf" (from the Manuscript to the Printed Text)]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. No. 4, pp. 140–156. DOI: 10.15393/j9. art. 2018.5581.

Spiridonova, L. (2014). *Khudozhestvennyi mir I. S. Shmeleva* [The Artistic World of I. S. Shmelev]. Moscow, IMLI RAN. 240 p.

Stepanova, A. A. (2019). Povest' I. S. Shmeleva «Chelovek iz restorana» i odnoimennyy fil'm Ya. A. Protazanova: poetika vizual'nosti i problemy ekranizatsii [The Novella of I. S. Shmelev "The Man from the Restaurant" and the Film of the Same Name by Ya. A. Protazanov: Poetics of Visuality and Problems of Screen Adaptation]. In *Filologicheskii klass*. No. 4 (58), pp. 153–162. DOI: 10.26170/FK19-04-20.

Vinogradov, V. V. (2001). Grammaticheskie perezhitki mestoimenii kak osoboi chasti rechi v sovremennom russkom yazyke [Obsolete Grammatical Features of Pronouns as a Special Part of Speech in Modern Russian]. In *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moscow, Nauka, pp. 264–282.

Zakharova, V. T. (2015). *Poetika prozy I. S. Shmeleva* [The Poetics of I. S. Shmelev's Prose]. Nizhny Novgorod, Mininskii universitet. 106 p.

Данные об авторе

Скоропадская Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: san19770@mail.ru.

Author's information

Skoropadskaya Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).